

кончено между ними, и Печоринъ непри-  
мѣтно могъ сдѣлаться предметомъ насмѣ-  
лки для супруговъ, или жертвою коварнаго  
заговора. Я удивляюсь, какъ это подозрѣн-  
іе не потревожило его прежде, но увѣряю васъ,  
что оно пришло ему въ голову именно те-  
перь. Онъ обѣщалъ себѣ постараться узнать,  
исповѣдывалась ли Вѣра своему мужу, и  
между тѣмъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, князь, не вамъ, хотя бы я могъ  
и всякій долженъ вамъ завидовать, но, при-  
знаюсь, я бы желалъ имѣть счастливый  
даръ этого Красинскаго—нравиться всѣмъ  
съ перваго взгляда.

— Повѣрьте, отвѣчала княгиня,—кто  
скоро нравится, о томъ скоро и забываютъ.

— Боже мой! что на свѣтѣ не забывает-  
ся? и если считать ни во что минувшій  
успѣхъ, то гдѣ же счастье? Добиваясь  
прочной любви, прочной славы, прочнаго  
богатства,—глядяшь, смерть, болѣзнь, по-  
жаръ, потопъ, война, миръ, соперникъ, пе-  
ремѣна общаго мнѣнія—и всѣ труды про-  
пали!.. А забвеніе? забвеніе равно неумоли-  
мо къ минутамъ и столѣтіямъ. Если бъ ме-  
ня спросили, чего я хочу,—минуту полно-  
го блаженства или годы двусмысленнаго  
счастья, я бы скорѣй рѣшился сосредото-  
чить всѣ свои чувства и страсти на одно  
божественное мгновеніе, и потомъ страдать  
сколько угодно, чѣмъ мало-по-малу растя-  
гивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ  
промежуткахъ скуки или печали.

— Я во всемъ съ вами согласна, кромѣ  
того, что все на свѣтѣ забывается. Есть  
вещи, которыхъ забыть невозможно, осо-  
бенно горести, сказала княгиня.

Ея милое лицо приняло какой-то полу-  
холодный, полугрустный видъ, и что-то  
похожее на слезу пробѣжало, блистая вдоль  
но длиннымъ ея рѣсницамъ, какъ капля  
дождя, забытая бурей на листѣ березы,  
трепеща перекачивается по его краямъ, по-  
куда новый порывъ вѣтра не умчитъ ее.  
Богъ знаетъ куда.

Печоринъ съ удивленіемъ взглянулъ на  
нее. Увы! онъ не могъ ничѣмъ объяснить  
этотъ странный припадокъ грусти. Онъ такъ  
давно разлученъ былъ съ нею, и съ тѣхъ  
поръ онъ не зналъ ни одной подробности  
ея жизни. Даже очень вѣроятно, что чув-  
ства Вѣры въ эти минуты относились вовсе  
не къ нему: мало ли могло быть у ней  
обожателей послѣ его отъѣзда въ армію.  
Можетъ-быть и ей помѣнилъ который-ни-  
будь изъ нихъ,—какъ знать!

Кто объяснить, кто растолкуетъ  
Очей двусмысленный языкъ...

Когда онъ всталъ, чтобъ уѣзжать, кня-  
гиня его спросила, будетъ ли онъ послѣ

завтра на балѣ у баронессы Р., ея родствен-  
ницы.

— Мнѣ досадно, что баронесса такъ убѣ-  
дительно насъ звала, прибавила она;—я  
почти вовсе не знаю здѣшняго круга и увѣ-  
рена, что мнѣ тамъ будетъ скучно.

Печоринъ отвѣчалъ, что онъ еще не званъ.

«Теперь я понимаю, подумалъ онъ, садясь  
въ сани, ей хочется имѣть на этомъ балѣ  
знакомаго кавалера... Дай Богъ, чтобъ меня  
не звали: тамъ вѣрно будетъ Лиза Негурова.  
Ахъ, Боже мой! да, кажется, онъ съ Вѣрой  
давнишній знакомый... О! но если она осмѣ-  
лится...» Тутъ сани его остановились и  
мысли также. Войдя къ себѣ въ кабинетъ,  
онъ нашелъ на столѣ пригласительный би-  
летъ отъ баронессы...

## IX.

Баронесса Р\*\* была русская, но замужемъ  
за курляндскимъ барономъ, который какимъ-  
то образомъ сдѣлался ужасно богатъ. Она  
жила на Милліонной, въ самомъ центрѣ  
высшаго круга. Съ 11 часовъ вечера кареты  
одна за одною, стали подъѣзжать къ ярко  
освѣщенному ея подъѣзду. По обѣимъ сте-  
ронамъ крыльца тѣснились на тротуарѣ  
прохожіе, остановленные любопытствомъ, съ  
опасностью быть раздавленными. Въ числѣ  
ихъ былъ Красинскій. Прижавшись къ стѣнѣ,  
онъ съ завистью смотрѣлъ на разныхъ го-  
сподъ со звѣздами и крестами, которыхъ  
длинные лакеи осторожно вытаскивали изъ  
кареты, на молодыхъ людей, небрежно выска-  
кивавшихъ изъ саней на гранитныя ступе-  
ни, и множество мыслей тѣснилось въ  
головѣ его. «Чѣмъ я хуже ихъ? думаю  
онъ. Эти лица, блѣдныя, истощенныя, ис-  
кривленныя мелкими страстями, уже ли прав-  
ятся женщинамъ, которыя имѣютъ право  
и возможность выбирать? Деньги, деньги и  
однажды деньги, на что имъ красота, умъ и  
сердце? О, я буду богатъ непременно, во  
что бы то ни стало, и тогда заставлю это  
общество отдать мнѣ должную справед-  
ливость.»

Бѣдный, невинный чиновникъ! Онъ не  
зналъ, что для этого общества, кромѣ кучи  
золота, нужно имя, украшенное историческими  
воспоминаніями (какія бы они ни были),  
имя столь уже знакомое лакейскимъ, чтобъ  
швейцаръ его не исковеркалъ и чтобы въ  
случаѣ, когда его произнесутъ, какая-ни-  
будь важная дама, законодательница и судія  
госпальныхъ, спросила бы: который это? не  
родня ли онъ князю В. или графу К.? Итакъ  
Красинскій стоялъ у подъѣзда закутанной  
въ шинель. Вотъ подъѣхала карета, изъ нея  
вышла дама. При блескѣ фонарей бриллиан-  
ты ярко сверкали между ея локонами, за  
нею вылѣзъ изъ кареты мужчина въ мед-